ISSN 0027–8068

НАШ СОВРЕМЕННИК

Журнал писателей России

№ 11 2011

SHOUT
SHARE
IT

- Константин Леонтьев: жизнь и судьба
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16

Константин Леонтьев: жизнь и судьба

Один из самых интересных и оригинальных русских мыслителей — Константин Николаевич Леонтьев умер 24 ноября 1891 года (12 ноября по старому стилю). Он прожил жизнь яркую, богатую разнообразными событиями и неожиданными поворотами судьбы. Родился он 13 января 1831 г. (25 января по новому стилю) в сельце Кудинове Калужской губернии, принадлежавшем предкам его по отцовской линии. Основную роль в его воспитании сыграла мать Феодосия Петровна, представительница старинного дворянского рода, женщина умная, тонкая, образованная и сильная. Она растила сына в «преданиях монархической любви и настоящего русского патриотизма»[1], в атмосфере по-домашнему тёплой православной религиозности; она же передала ему кровь своего отца — Петра Матвеевича Карабанова, «дикого барина» в стиле екатерининской эпохи, в котором страшное по своей необузданной свирепости «азиатство» и склонность к разврату сочетались с рыцарским великодушием, ненавистью ко лжи и двуличию, безудержной храбростью, преданностью Государю и Отечеству, любовью к прекрасному[2]. Константин Николаевич гордился своим татарско-версальским предком[3].

Десяти лет Леонтьев был определён в Смоленскую гимназию, затем попал в Петербург, кадетом в Дворянский полк. Из полка его уволили по болезни и приняли в Калужскую гимназию, которую он окончил в 1849-м с правом поступления в университет без экзамена[4]. В том же году начались его занятия на медицинском факультете Московского университета.

Студенческая пора принесла Леонтьеву не только любовь, дружбу, встречи с замечательными людьми — Т. Н Грановским, А. В. Сухово-Кобылиным, М. Н. Катковым, но и расшатанное здоровье, юношеское разочарование в жизни, крушение детской религиозной веры. Позднее он остановился на «каком-то неясном деизме, эстетическом и свободном»[5], но пока переживал «горький… жестокий процесс… умственного перелома»; мысль его впервые в жизни серьёзно перерождалась[6]. Наступала эра противостояния «отцов» и «детей», и Леонтьев из стихийного монархиста стал полусознательным либералом неопределённого направления, приверженцем республиканской формы правления. Но и тогда в республиках ему нравилось не то, чем отличаются они от монархий, т. е. не политическая свобода и равноправность,

а то, что роднило их: «сила, вырабатываемое сословным строем разнообразие характеров, борьба, битвы, слава, живописность и т. д.»[7]. Даже в эту бестолковую, как считал сам Леонтьев, пору своей жизни он ни разу «ни кощунственной насмешкой, ни… доводами плохой либеральной философии не оскорбил тех личных чувств и тех идеалов», которые неизменно, до гроба, исповедовала его мать[8].

Умственный перелом и связанные с ним душевные терзания заставили Леонтьева обратиться к перу и бумаге. Первое же своё произведение — комедию «Женитьба по любви» он решил показать Тургеневу. Иван Сергеевич в то время жил на Остоженке, неподалёку от дома богатой аристократки Охотниковой, свояченицы матери Константина Николаевича, у которой он в Москве и остановился. Однажды утром, весной 1851 года, Леонтьев, набравшись смелости, облачился в студенческий вицмундир, водрузил на голову треуголку и отправился к создателю «Записок охотника», дабы вручить ему свою рукопись. Маститый писатель весьма высоко оценил литературные опыты начинающего автора. Между Тургеневым и Леонтьевым завязалась дружба, сыгравшая огромную роль в творческой судьбе Константина Николаевича. С 1854 г. повести и очерки К. Леонтьева публикуются в русской периодике, в литературном приложении к «Московским ведомостям», в «Отечественных записках».

В том же году, не прослушав полного университетского курса, Константин Николаевич получил степень лекаря, поступил на военно-медицинскую службу и отправился в Крым, где разворачивались важнейшие события Восточной (Севастопольской) войны 1853–1856 годов. Простая, грубая и деятельная жизнь в Крыму вернула ему здоровье и свежесть, избавила от мучительного и кропотливого самоанализа, которому он предавался в Москве. Однако «честный труд» в военном госпитале близ Керчи не вполне устраивал потомка «дикого барина». Ему хотелось настоящих опасностей: схваток с неприятелем, пороховой гари, походов, бивуаков, вольных степей, и он добился назначения в 45-й Донской казачий полк. Вместе с казаками Леонтьев отправлялся на рекогносцировки и в рейды, участвовал в кавалерийских боях, руководил реквизициями, спал у бивуачных костров под крымскими звёздами. «Природа и война! Степь и казацкий конь верховой! Молодость моя… молодость и чистое небо!»[9] — вспоминал он позднее об этом времени. Служба Леонтьева в Крыму сопровождалась множеством любовных историй, он даже похитил в Феодосии прекрасную гречанку — Елизавету Политову, ставшую его женою через

несколько лет. При всём этом не оставлял Леонтьев и литературного поприща.

Через год после окончания Восточной войны Константин Николаевич уехал из Крыма и занял место домашнего врача в имении баронессы Розен, располагавшемся в Арзамасском уезде Нижегородской губернии. Здесь он лечил крестьян, занимался науками с сыновьями хозяйки имения, много читал, особенно по естествознанию, философии, русской и иностранной изящной литературе, и, конечно же, писал сам.

Впечатления «нижегородского» периода жизни легли в основу романа «В своём краю», опубликованного Леонтьевым в 1864 г. — сначала в «Отечественных записках», затем — отдельным изданием. Современному читателю книга эта, к сожалению, практически не знакома, но работа стоит того, чтобы сказать о ней немного подробней. И отнюдь не потому только, что едкий М.Е.Салтыков-Щедрин удостоил её своей рецензии, а потому, что роман Леонтьева стал яркой литературной манифестацией так называемого ницшеанства — и не в Германии, а в России! — примерно за два десятилетия до появления работ самого Фридриха Ницше. Это потом, на рубеже столетий, ницшеанство у нас в стране (вслед за Европой) вошло в моду, стало интеллектуальным «мэйнстримом», в том числе — в революционных кругах (Горький, Луначарский, Савинков и т. д.); тогда же русский «предвестник ницшеанства, неожиданно появившийся в 60-х годах» (выражение критика начала XX века Б.А.Грифцова), остался практически не замеченным и на настроения общества нисколько не повлиял. В то же время роман «В своём краю», завершённый, по-видимому, ещё до отъезда К. Леонтьева на Восток, т. е. до ноября 1863 г., нужно поставить рядом с законченным в том же году (в Петропавловской крепости) романом Н.Г.Чернышевского «Что делать?». Подобно произведению известного теоретика-революционера, роман Леонтьева являлся литературно-художественным выражением всего спектра этических, эстетических и, в конечном итоге, общественно-политических воззрений своего создателя и, по замыслу Леонтьева, должен был играть ту же роль, которую сыграло произведение Н. Г. Чернышевского: роль пропагандиста и агитатора, «наставника жизни». При этом в литературном отношении роман Леонтьева написан несравненно более талантливо, гораздо более интересно, чем произведение выдающегося революционного демократа.

К 60-м годам XIX в. созрело основанное на эстетизме мировоззрение Константина Николаевича. Он пришёл к убеждению, что «всё хорошо, что прекрасно и сильно, — будь это

святость, будь это разврат, будь это революция, будь это охранение — всё равно!»[10]. Леонтьев решил оставить давно уже стеснявшую его практическую медицину, перебраться в столицу и стать профессиональным литератором: «открывать глаза» на истины эстетизма читающей публике. Однако в Петербурге Леонтьев замечен не был: русскому обществу, увлечённому вихрем либеральных реформ, было не до эстетики.

Повращавшись в «передовых» кругах столичной интеллигенции и хорошо узнав её представителей, Леонтьев проникся неприязнью к их демократическим идеалам и к буржуазному прогрессу, ведущему к господству так называемого «среднего человека» — ограниченного и самодовольно-скучного буржуа, к уничтожению поэзии и красоты жизни, всех её цветов кроме сюртучно-серого. С этим он как эстет мириться не мог. Поняв, что прекрасного гораздо больше на стороне «церкви, монархии, войска, дворянства, неравенства и т. д., чем на стороне современного управления», крайней или умеренной буржуазности, Леонтьев перестал колебаться и встал на сторону «консерваторов»[11]. Для него это означало разрыв с юношеским либерализмом и либералами, в том числе с Тургеневым. И Леонтьев скрепя сердце расстаётся со своим литературным патроном. Борьба идей в его душе была так сильна, что он «похудал и почти целые петербургские длинные ночи проводил нередко без сна, положивши голову и руки на стол в изнеможении страдальческого раздумья»[12].

В чуждом для него Петербурге, да и вообще в России, всё прочнее становящейся на путь общеевропейского развития, меняющей поэзию патриархального дворянско-крестьянского быта на прозу пореформенной буржуазности, Леонтьеву становится душно, и он, устроившись на службу в Азиатский департамент имперского МИДа, бежит на экзотически-яркий, сверкающий многоцветьем красок Восток, в балканские провинции Турции. С конца 1863 г. Константин Леонтьев — секретарь и драгоман (переводчик) русского консульства на острове Крит. Здесь, отстаивая престиж и достоинство своей Родины, да и собственную дворянскую честь, он вступает в конфликт с французским консулом Дерше. Тот в одной из бесед отзывается о России оскорбительно, и Леонтьев отвечает ему ударом хлыста. Русское посольство в восторге от этого смелого, хотя и не дипломатического поступка. Константина Николаевича отзывают в турецкую столицу, там он получает назначение в бывшую резиденцию османских султанов, первую их столицу в Европе — город Адрианополь.

Служа на Востоке, Леонтьев делил своё время между

напряжённой дипломатической деятельностью, сердечными увлечениями и занятиями литературой. Там он писал свои балканские очерки, рассказы и повести, оттуда отправлял корреспонденции и статьи в русские газеты, журналы. Жил Леонтьев на широкую ногу, по-барски, держал множество слуг, и жалованья (вполне приличного) ему всегда не хватало. Благодаря этому он «познакомился» со множеством местных ростовщиков, одним из которых был Соломон Нардеа — «Шейлок» османского разлива.

В Министерстве иностранных дел Леонтьева знали и ценили, у начальства — русского посла в Порте графа Н. П. Игнатьева, начальника Азиатского департамента МИДа Стремоухова и самого министра, а впоследствии — канцлера Горчакова он был на отличном счету, и его служебная карьера продвигалась необычайно быстро. В 1867 г. Леонтьев становится вице-консулом в придунайском городе Тульча, с 1812-го по 1856 годы принадлежавшем России, в 1869–1871 гг. он — консул, сначала в Янине, затем в Салониках. Ему предлагают пост генерального консула в Праге — после образования там вакансии, но… Судьба вносит в эти планы свои коррективы.

1871 год стал для Константина Николаевича годом тяжёлых испытаний, годом окончательной «переоценки всех ценностей», третьего и последнего в его жизни умственного перелома. Период эстетического упоения бытием проходит, на смену ему являются усталость, душевное томление и тоска, возникает мысль уйти в монастырь. Зимой в Петербурге умирает любящая и любимая мать, а летом Леонтьев заболевает сильным желудочным расстройством и, принимая свой недуг за холеру, готовится к смерти сам. В один из наиболее ужасных моментов болезни, глядя на образ Богородицы, привезённый греческим монахом с Афона, Леонтьев уверовал вдруг в её существование и могущество, сжал кулаки и воскликнул: «Матерь Божия! Рано! Рано умирать мне!.. Я ещё ничего не сделал достойного моих способностей и вёл в высшей степени развратную, утончённо-грешную жизнь! Подыми меня с этого одра смерти. Я поеду на Афон, поклонюсь старцам, чтобы они обратили меня в простого и настоящего православного верующего… и… постригусь в монахи…»[13]. Через 2 часа Константин Николаевич почувствовал значительное облегчение и стал совсем другим человеком. Со старой жизнью покончено; Леонтьев пришёл к глубинному, «личному», как он его назвал, православию, и личная вера докончила в 40 лет и политические, и художественное его воспитание[14].

Около года он провёл на горе Афон среди греческих и

русских монахов, желая получить постриг в этой обители, однако мудрые духовные наставники, старцы, убедили его повременить с монашеством и уехать в Константинополь. Там он вытребовал отставку от дипломатической службы, предоставленную ему с большой неохотой, и написал свою крупнейшую историософскую работу «Византизм и Славянство», в которой «дополнил» концепцию культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского своей «гипотезой триединого развития», постулировавшей, что время жизни всякого культурно-государственного организма составляет не более 1000–1200 лет, и каждый из них проходит в своём развитии три ступени: «первичной простоты», «цветущей сложности» и «вторичного смесительного упрощения». Эта «гипотеза» во многих отношениях предвосхитила «морфологию истории» германского философа-эссеиста Освальда Шпенглера. Кстати, и сам великий немец «отводил» на существование каждой мировой культуры практически тот же срок, что и К. Н. Леонтьев — тысячелетие.

Весной 1874 г. Леонтьев покинул Восток и возвратился в Россию. Здесь он собирался печатно проповедовать свои революционно-консервативные взгляды, добиться признания и стать «литературным генералом». Его великолепные повести из восточной жизни печатались в «Русском вестнике» М. Н. Каткова, вышли и отдельным изданием, но образованное общество того времени, готовое даже Пушкина «променять на сапоги», большого внимания к ним, как и в предыдущем десятилетии к роману «В своём краю», не проявило. Статьи Леонтьева, предостерегавшие от повального в 70-е гг. XIX века увлечения панславизмом и безоглядного потворства России югославянам, в особенности — болгарам, боровшимся с Константинопольской патриархией, также не были оценены по достоинству. Только на рубеже 80-х и 90-х, после того как в 1885–1887 гг. «братская» вроде бы Болгария, освобождённая от власти султана лавиной русских штыков и реками русской крови, отвернулась от своих московско-петербургских радетелей и стала союзницей Австрии и Германии, некоторые представители консервативного лагеря вспомнили леонтьевские инвективы в адрес балканских единоверцев и согласились с их автором. Следует напомнить, что, несмотря ни на какие разоблачения, панславизм остался одной из важнейших внешнеполитических доктрин России, и именно панславизм, определявший поведение значительной части русского общества, был одним из важнейших факторов, вовлекших страну в I Мировую войну, приведшую её к катастрофе.

Вернувшись на родину, Леонтьев превратился в скитальца: жил то в Москве, то в имении Кудиново, которое он безуспешно

пытался спасти от разорения и продажи с молотка, останавливался в Калуге, в Смоленске и в Петербурге, полгода провёл послушником в Николо-Угрешском монастыре. Наведывался он ив Оптину пустынь, где обрёл духовного наставника — старца Амвросия, последнего из великих старцев этой обители. Но всюду его преследовала нужда, «дворянское оскудение». Несколько месяцев в начале 1880 г. Леонтьев был помощником редактора русского официального листка «Варшавский дневник» князя Голицына. С его появлением газета стала ярче и интереснее, приобрела немало подписчиков, о ней узнали в столицах. Однако нехватка средств гонит Леонтьева из Варшавы. Константин Николаевич возвращается в Москву и с помощью своего друга и единомышленника по церковным вопросам Т. И. Филиппова, занимавшего солидный государственный пост, устраивается цензором в Московский Цензурный комитет.

Цензорство было для Леонтьева «стиркой и ассенизацией чужого, большей частью грязного белья»[15], но эта служба сделала его жизнь более размеренной, стабильной и обеспеченной. В годы цензорства он много болел, страдал от массы недугов, зачастую хронических. Константин Николаевич переносил всё это стоически, сохранял присутствие духа и продолжал, по мере сил и возможностей, свою литературную деятельность. Вокруг него сформировался кружок из молодёжи, увлечённой его идеями и речами, главным образом — питомцев так называемого Катковского лицея и студентов Московского университета. Тогда же, в начале 1880-х, окрепла основанная на взаимной интеллектуальной симпатии дружба К. Леонтьева и В. С. Соловьёва.

В феврале 1887 г. Леонтьев вышел в отставку с последней — цензорской своей службы, благодаря стараниям сочувствовавших ему высокопоставленных правительственных чиновников он получил неплохую пенсию и поселился возле Оптиной пустыни, в так называемом «консульском домике», расположенном у самой ограды этой обители. Начался один из самых продуктивных в творческом плане периодов его жизни, «болдинская осень» Леонтьева как публициста. Он пишет ряд статей под общим названием «Записки отшельника», критические этюды о романах Толстого, с которым Леонтьев встречался и спорил в Москве и в Оптиной, которого он превозносил как писателя-худож-ника и психолога, но которому за его «искания» хотел «сотни две горячих всыпать» или обеспечить ссылку куда-нибудь в Сибирь, в Томск, чего Лев Николаевич, впрочем, страстно желал и сам[16] для усиления популярности своих морально-атеистических

проповедей.

Следует отметить и несколько работ Леонтьева о современном ему национализме: «Национальная политика как орудие всемирной революции», «Плоды национальных движений на православном Востоке», «Письма к В. С. Соловьёву о национализме культурном и политическом». В них варьировалась мысль, что со времён Великой Французской революции национально-освободительные и национально-объединительные движения приводят не к развитию национальных культур и расцвету их самобытности, связанному с усилением оригинальных их черт, как это было, по мнению Леонтьева, в XV–XVII веках, а к буржуазно-космополитическим результатам: всеобщему усреднению и нивелировке, в частности — уничтожению сословий и состояний, вымиранию или капиталистическому перерождению старинной аристократии, подрыву монархической государственности, религиозных устоев и, вследствие всего этого, к обеднению культурной жизни народов.

В апреле 1891 г. завязалась переписка между Леонтьевым и тогда ещё малоизвестным философом Василием Розановым, а в августе этого же года Константин Николаевич был тайно пострижен под именем Климента и по настоянию старца Амвросия, бывшего его духовным наставником, отправился в Троице-Сергиев посад. Там, в лаврской гостинице, он и умер 12 ноября от воспаления лёгких.

Его могила находится в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой лавры у храма Черниговской Божией Матери. Рядом с Леонтьевым покоится и один из тех, кому были адресованы его последние письма, тот, кто, по мнению Константина Николаевича, понял его именно так, как сам он хотел быть понят другими, — В. В. Розанов…

notes

Примечания

1

Леонтьев К. Рассказ моей матери об императрице Марии Фёдоровне // «Русский вестник». 1891. № 4. С. 86.

2

Иваск Ю. П. Константин Леонтьев. Жизнь и творчество. В кн. К.Н. Леонтьев: pro et соп1 га. СПб, 1995.С. 232–234.

Иваск Ю. П. Указ. соч. С. 246.

4

Коноплянцев А. М. Жизнь К. Н. Леонтьева в связи с развитием его миросозерцания // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. +1891. Лит. сб-к. СПб., 1911. С. 29.

5

Леонтьев К. Тургенев в Москве // «Русский вестник». 1888. № 2. С. 98.

К. Леонтьев. Собрание сочинений. Т. 9. СПб., С. 218.

7

К. Леонтьев. Рассказ моей матери… С. 86.

8

К. Леонтьев. Рассказ моей матери… С. 85.

9

Леонтьев К. Собрание сочинений. Т. 9. СПб., 1913. С. 218.

10

Александров А. А. К. Н. Леонтьев // «Русский вестник». 1892. № 4.

Александров А. А. Там же.

Леонтьев К. Записки отшельника // «Гражданин». 1888. № 15.

13

Иваск Ю. П. Указ. соч. С. 396.

14

Письмо Леонтьева к В. Розанову от 14.8.1891 г. // «Русский вестник». 1903. № 6.

Иваск Ю. П. Указ. соч. С. 495.

Иваск Ю. П. Указ. соч. С. 557.